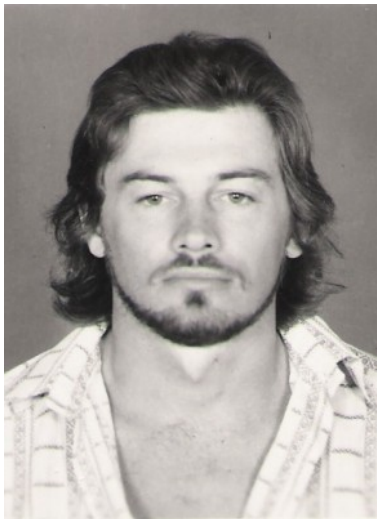

Евгений БЕЛОБОРОДОВ (г.Актау Казахстан)

Письмо к деду

Здравствуй, дед, что когда-то воспитывал

Развесёлой конфетой цветной.

Сколько в жизни моей перевидано —

Лишь тебя вот не видел давно.

Говорят, заболел ты, мой дедушка —

Это я виноват — не писал.

Ты прости молодого да грешного:

Скоро сам прилечу в детский сад.

Ты прости простофилю и пьяницу,

Что я письма писать не люблю —

Мне б метельную слушать заздравницу,

Заунылую песнь у-лю-лю.

Ты прости, что за годы скитания,

(Посчитай-ка, шестнадцать ведь лет),

Это первое будет послание,

Это первый на родину след.

Ты получишь его в скором времени,

А уж следом приеду и я

За сибирскими снежными дебрями,

За родимым подарком огня.

Только в баньке с тобою попаримся —

Будет злиться мороз на дворе,

Грязь обмоем у пьяного странника,

Поболтаем за чаем в тепле.

И откроется книга печальная

О судьбе, что волочит твой внук,

И о детстве он вспомнит нечаянно,

Вдаль уплыл как от дедовских рук.

Что же, дед, я кончаю послание

Скоро в детство приеду, в свой дом,

С деревянными старыми ставнями,

С разрисованным зимним окном.

* * *

Может, вырос я просто,

Что с трудом узнаю

Этот домик по скосу,

Где встречал я весну.

Вроде был он чуть шире

И широкий был двор,

А сейчас глядит сир

Через низкий забор.

Переехала печка

На другой уголок,

И трепещет сердечко:

Этот мир вдруг не тот.

Здесь висели качели

Между двух тополей;

Одноного старея

Смотрит шапка ветвей;

И поморщилась тропка,

Что до школы вела;

И присела чуть горка,

Что на санях несла.

Но, как в детстве, под горку

Быстро к дому бегу,

По тропинке короткой,

Затвердевшей в снегу.

Может, вырос я просто:

Узнаю всё с трудом —

Покосившийся ростом

Этот край мой родной.

Баллада о Моне-Лизе

Дышит пылью бездонной дорога,

Её газами травят машины,

Вдоль неё зданий вбиты коробки

И сама белой нитью прошита.

Кое-где деревца — островками,

Да поодаль виднеется площадь.

Мчат машины к ней с визгом, рывками,

Под собою асфальт тёплый морща.

Перекрёсток — в глазах светофора...

Светофор, как ребёнок, капризен...

Вдруг спустилось видение в город:

Удивлённо стоит Мона-Лиза.

Но никто, взгляд метнув отчуждённый,

Улыбнуться ей в спешке не может.

Только крик и железные стоны.

... Вдруг один заметался прохожий,

Он успел, он протиснулся быстро,

Он не дал шаг ей сделать неверный,

А пред ней — тормозов уже выстрел,

И глаза за стеклом смотрят гневно.

— Не спешите под злые колёса!

То не листья шумят кипариса.

Это смерть! Она давит без спроса...

Да и вас не простит, Мона-Лиза.

Вы так молоды! Так вы прекрасны!

Но вернитесь в былого течение...

Вы узнаете мир наш напрасно...

И тогда с ним простилось виденье.

Размышления перед золотой статуэткой

Я приглашаю вас в мой сон, в мой лес тяжёлый,

В мои владения за горькою чертой.

Они зверьём богаты, как клубок ежовый,

Они прекрасны первозданной густотой.

Здесь человек сражался с хитрою змеёю

В лучах зари, в благоухающих цветах.

Она, как женщина, прижалась чешуёю,

Холодным золотом ласкалась на руках,

Но руки, закалённые под ветром, цепко

Держали тело, как срываемую ветку,

И тух зелёный взгляд, чернел, как победит.

В тот миг мне человек казался — царь природы,

Что зло и ложь дня чёрного он победит,

Любви, добра дня светлого он примет роды...

Но торжество заранее? — бедой чревато!

Вдруг вижу: то над ним раскрыта пасть змеи...

И вижу: не зари лучи, а то — заката...

И золото благоухает чешуи...

И вижу свет я не тускнеющего взгляда —

Топазы светятся, они пленят собой;

И драгоценности впивают корни яда,

Вливая в тело жадной роскоши покой... .

Так царь ли — человек? И так ли это было?

Ведь сколь веков богатство за собой водило

Все корабли морей седых и злых пустынь?

Зачем тогда приходит за весною лето?

Зачем тогда над головами льётся синь?

Зачем и сны? и этот сон? И сон ли это?

Озеро и море

Заменить любимую

Сможет ли другая?

Взгляд очей ругаю,

Гладь озёр ту синюю,

Тихую, печальную

Под моей ладонью,

Скованную дольюю —

В береге венчальную.

Помню счастье лунное,

Но другого взгляда,

Буйного наряда

Моря цветноструйного.

Глубь разлук морозила,

Крикам чаек вторя...

Не заменит моря

Голубое озеро!..

Обезьяний век

Где вчера на скалистом уступе

За деревья цеплялись кусты,

Там тропа шла к реке полногрудой...

Но сегодня её не найти.

Там под утро от молний залётных

Опрокинулся дуб невзначай

И земли слой свалился неплотный,

И открылась былая печаль.

Копошится там род обезьяний,

Словно ищет утерянный клад,

А на дубе сидит самый странный,

Самый старый и гордый собрат.

На ладони протянутой – череп,

Может мой, может твой или твой.

А другая рука что-то чертит,

И качает вожак головой:

Разве был до нас кто-то на свете?

Но у нас нет об этом легенд!

Понесу, покажу нашим детям —

Для потомков мы сделаем стенд.

Велика черепная коробка!

Знать, была она не по плечам...

Встал вожак и понёс он к потомкам

Наши думы, и боль, и печаль...

Озеро

(газель)

Сердце стуком трепетным, словно ветром быстрым,

Отдаётся пламенем по грудям пушистым.

Тело белой лилии с лёгким переливом

Под одеждой призрачной пахнет льном душистым.

Из груди нечаянно вздохи убегают,

Если видишь молодца вечерочком мглистым.

В первый раз в отчаяньи покатались слёзы

По рубашке розовой, по буграм росистым,

А потом безудержно потянулись руки

К сигаретам штатовским, и к садам тенистым,

И уже несдержанна ты в своих желаньях,

А глаза окованы месяцем лучистым.

Ты ли остановишься девственной любовью?

Ты ли счастье тёплое дашь садам ветвистым?

Если реки в озеро тленные льют воды,

Разве может озеро оставаться чистым?!

Грим

Второй месяц подряд то горю, то озноб,

Доктора всё не могут поставить диагноз;

Каждый час мне кладут полотенце на лоб

И по телу разлита какая-то слабость.

Но недавно был врач, выпить дал кофедрин

И спросил: «Отчего с тобой стало такое?»

Я ответил с лица что посмел я смыть грим,

И теперь не могу отыскать я покоя.

Всюду видится мир, разделённый мечом,

И замешан мой хлеб на слезах и на крови;

Мать бросает детей и укрывшись плащом,

Убегает к мужчине чужому под кровлю;

Из булыжника стрелы без промаха бьют

И товарищ соседу рвёт перья на крыльях...

Смыв нечаянно грим, я разрушил уют,

Потерял я и веру во всё, что любил я.

Отчуждённо в лицо ухмыльнулся мне врач —

Со слюною я вновь проглотил свою горечь,

И в последний мне раз прокричал в окно грач,

И сирену врубила тут «скорая помощь».

Изменили мой климат, в больницу сослав:

Я прикован к постели, здесь нет даже окон,

И теперь я живу с миром связи порвав,

Пока новый мне грим не наложат по сроку.

А недавно, когда между явью и сном

Вспоминал, что когда-то был в церкви крещён я,

Я услышал: врачи говорили о том,

Что приют мой зовут — Дом для умалишённых.